

Отзыв

официального оппонента о диссертации Щербаковой Анастасии Сергеевны «Роман Мэри Шелли «Франкенштейн, или современный Прометей» и «Журнал Виктора Франкенштейна» Питера Акройда: поэтика пересоздания»,
представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.03 – литература народов стран зарубежья западноевропейская и американская)

Литература и кинематограф конца XX – начала XXI вв., стремительно наполнились и продолжают наполняться всевозможными сиквелами, приквелами, спин-оффами, ремейками, ребутами. Благодаря интернету расцвела фанатская проза, книжный рынок изобилует не слишком далеко уходящими по качеству от фанфиков литературными поделками. Однако есть случаи, когда пересозданный современным автором классический оригинал оказывается новым шедевром («Гертруда и Клавдий» (2000) Дж. Апдайк, «Дайте мне слово» (2014) Р. Гриффитса и, разумеется, исследуемых в рецензируемой диссертации «Журнал Виктора Франкенштейна» (2008) П. Акройда). Анализ именно таких произведений позволяет выявить векторы и механизмы рецепции (в т. ч. пересоздания) классики современной литературой. В свете этих задач не вызывает сомнений **актуальность** диссертационного исследования А. С. Щербаковой, в котором выстраивается генеалогическое древо «Журнала Виктора Франкенштейна» П. Акройда, восходящее к роману М. Шелли «Франкенштейн, или современный Прометей».

Научная новизна работы очевидна, поскольку роман П. Акройда «Журнал Виктора Франкенштейна» еще не анализировался столь подробно в аспекте его типологических, контекстных и др. связей с авантекстами, а также не предпринимались попытки классификации этих авантекстов. В диссертации убедительно доказывается связь романа Акройда не только с «Франкенштейном», но и с ее более поздним романом М. Шелли «Последний человек», глубоко, в лучших академических традициях, выстраивается впечатляющая картина филиации в британской литературе восходящих к творчеству М. Шелли проблем творения/оживления человека в процессе попыток создания искусственного тела и двойничества создателя и его создания.

Теоретическая значимость диссертационного исследования определяется проведенными в ней обобщением и систематизацией обширного научного материала по проблемам метатекстуальности и интертекстуального взаимодействия пересоздаваемых текстов, предложенной методикой анализа «взаимной соотнесенности прототекста и авантекстов, определяющей диалектику процессов филиации и возникающего вертикального

контекста» (С. 12). Здесь мы плавно переходим к **практической значимости** проведенного исследования, поскольку предложенная методика может быть использована при анализе соотношения иных групп прецедентных и пересозданных текстов. Кроме того, материалы диссертации могут быть использованы в вузовских спецкурсах, посвященных поэтике интертекстуальности в британской прозе XIX-XXI вв., а также при написании учебных пособий и комментариев к анализируемым в работе художественным текстам.

Целью диссертационного исследования явилось определение особенностей межтекстового взаимодействия прототекста с пересозданными текстами, в связи с чем А. С. Щербакова успешно решила целый комплекс **задач**, в том числе изучила и обобщила данные исследований интертекстуальности применительно к феномену пересоздания классических текстов, проследила историю взаимодействия авантестов романа Акройда, посвященных проблемам дуальности и творения / оживления человека, с диалогией М. Шелли как исходным прототекстом, продемонстрировала художественную общность и индивидуальную специфику отобранных для анализа текстов.

К числу наиболее **значимых результатов**, полученных А. С. Щербаковой, следует отнести доказательство того, что прототекстом романа П. Акройда «Журнал Виктора Франкенштейна» следует считать научно-фантастическую дилогию М. Шелли, ибо только роман «Последний человек» позволяет объяснить появление образов П. Б. Шелли, М. Шелли, Байрона, Годвина и Полидори у Акройда. Другим бесспорным достижением является выстроенная в работе трансдискурсивная линия, ведущая от определенного прототекста-диалогии к роману Акройда и включающая новеллы Э. По, повести Р. Л. Стивенсона «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда», «Сокровища Франшара», «Маркхейм» Р. Л. Стивенсона, «Сквозь окна, освещенные красным светом» К. де Матгос, романы «Остров доктора Моро» и «Человек-невидимка» Г. Уэллса и некоторые другие произведения, показательные для процесса формирования жанра *science fiction*, который, по справедливому замечанию автора, обретает поэтологическую определенность в творчестве Уэллса. Поэтологическое своеобразие произведений, образующих выстроенную линию филиации, справедливо связывается с принципом дуализма и дуальности, переносом сюжетобразующей линии в область сознания (С. 161), вытеснением внутреннего монолога внутренним диалогом (что при анализе повести «Маркхейм» позволило исследовательнице назвать Р. Л. Стивенсона одним из первооткрывателей техники «потока сознания» (С. 166), сосредоточение действия вокруг «кабинета Фауста», пространства научного эксперимента. А. С. Щербакова последовательно показывает, как центрируется действие в произведениях, включенных в ряд филиации, выстраиваясь вокруг пространства научного эксперимента, особо означенного посредством фасцинирующих, «пороговых» образов (зеркало, окно, дверь

и т. д.), как сам эксперимент постепенно утрачивает ту готическую окраску, которую он имел у М. Шелли и К. де Матгос и которая полностью исчезает у Г. Уэллса.

В качестве несомненных достоинств диссертационного исследования необходимо сказать о его широкой библиографической базе, включающей практически все ключевые работы по теме исследования. Пожалуй, я добавила бы в нее релевантную статью Вероники Розенберг "What Makes a Monster and What Makes a Man?" (2013), в которой исследуется изображение отношений между творцом и его творением у М. Шелли, Р. Л. Стивенсона и О. Уайльда, но исключительно потому, что апелляция к этому тексту только подчеркнула бы свежесть и оригинальность выкладок А. С. Щербаковой.

Также следует специально отметить стройность и логичность композиции работы, при которой невозможно исключить из текста ни единого раздела без ущерба для всего целого, а также владение автором диссертации искусством глубокого и тонкого анализа текстов, при котором внимание к отдельным деталям ведет не к распылению, но напротив, к концентрации, к умению высветить самые главные моменты, благодаря чему работа читается с большим интересом. Так, наблюдательность А. С. Щербаковой как исследователя со всей очевидностью проявилась в замечательном разделе работы, посвященном кельтским аллюзиям в романе М. Шелли «Франкенштейн» (С. 48-54): разработка этой проблемы не только придала новое измерение прочтению этого, казалось бы, досконально изученного произведения, но и позволила автору диссертации доказать его значение для освоения категории телесности и эстетики безобразного в восходящих к «Франкенштейну» текстах.

При чтении диссертации у меня сложился четкий графический образ выстроенной в ней линии филиации в виде веретена: подавляющее большинство авантекстов романа Акройда было создано в 1890-е–1900-е гг. Как можно было бы объяснить этот факт? Почему почти через столетие Акرويد возвращается к проблеме сотворения биологического существа, к мотиву двойничества ученого и его творения? Подчеркну, что для поставленных в диссертации задач объем выбранного исследовательского материала вполне достаточен, однако, на мой взгляд, в дальнейшем было бы весьма интересно выйти в изучении этой темы за пределы «чистой линии» британской литературы и обратить внимание на корпус кинотекстов о Франкенштейне, хронологически заполняющий временную лауну между творчеством Уэллса и Акройда. Среди почти полусотни экранизаций есть весьма примечательные, такие как «Франкенштейн» (1931) Джеймса Уэйла, акцентирующий связь гениальности и безумия, явно имеющий среди своих литературных авантекстов «Доктора Джекила» Стивенсона и предлагающий ставшую классикой визуализацию пространства эксперимента Франкенштейна. Я бы также выделила первый цветной фильм ужасов «Проклятие Франкенштейна» (1957), снятый британским режиссером Теренсом Фишером и

мрачно, но оригинально интерпретирующий проблему двойничества ученого и созданного им существа. Затем наступает эпоха киносиквелов, а увлечение Франкенштейном сменяется усталостью от него, пародийным увлечением его монстром как на киноэкране («Молодой Франкенштейн» (1974) Мела Брукса), так и в индустрии комиксов. И складывается впечатление, что такие романы, как «Журнал Виктора Франкенштейна» П. Акройда или «Чудовище Франкенштейна» (2010) Сьюзан Хейбур О'Киф, представляют собой попытку возвращения истории о Франкенштейне ее философской глубины. Рассуждения такого рода выходят за пределы темы исследования А. С. Щербаковой, но лишь подтверждают то, что оно увлекает, будит творческую мысль и имеет перспективы.

Представляется, что было бы целесообразно уточнить некоторые моменты, имеющие непосредственное отношение к поэтике пересоздания классического произведения. Так, в диссертации затрагиваются вопросы пространственной организации анализируемых художественных произведений. В связи с этим хотелось бы уточнить, меняется ли она в процессе филиации? И если меняется, то как? Или, например, А. С. Щербакова совершенно справедливо подмечает типологическую тождественность концовок произведений де Маттос, Стивенсона и Акройда. Но, возможно, имело бы смысл более детально прокомментировать тот факт, что указанные авторы, потратив немало усилий на создание эффекта достоверности описываемых событий, в финалах делают намеки на измененное состояние сознания своих главных персонажей. Не уводит ли их эта линия к таким принадлежащим национальной традиции произведениям об одержимости, как, например, «Одержимый, или Сделка с призраком» Ч. Диккенса или «Безумный Монктон» и «'Пропадай вместе с бригом!'» У. У. Коллинза?

Немного удивляет, что, пользуясь в работе терминологией генетической критики, автор диссертации не включает в библиографический список работы тех, кто заложил ее основы, в частности Ж. Бельмен-Нозля, автора термина «авантекст» (тем более, что они доступны в переводе – в 1999 г. вышла антология «Современная генетическая критика во Франции»). На мой взгляд, А. С. Щербаковой стоило бы обратить внимание на то, что в понимании генетической критики авантекст – это черновики, рукописи, редакторские правки, т. е. все, что предшествует его книжной или журнальной публикации, и обосновать переосмысление этого уже ставшего классическим понятия. Кроме того, в диссертации часто «авантекст» употребляется без дальнейшего дополнения, из-за чего автор не только путает читателя, но и сам запутывается в формулировках. Так, на С. 10 читаем: «Предметом исследования выступают поэтологические особенности романа М. Шелли «Франкенштейн, или Современный Прометей» в его связи со второй частью дилогии «Последний человек» и авантекстами, среди которых особого внимания заслуживают эпические произведения

Кэтрин де Маггос, Л.Р. Стивенсона, Г. Уэллса и П. Акройда», хотя, разумеется, автор диссертации не считает опубликованный роман Акройда авантекстом по отношению к самому себе.

При всем богатстве теоретических выкладок, качественности практического анализа текстов и убедительности выводов А. С. Щербаковой этот пример – не единственный случай отсутствия должного внимания к оформлению текста. Так, на С. 33, 38, 39 искажена фамилия доктора филологических наук Б. Р. Напцок (в библиографическом списке приводится правильное написание), на С. 10 дважды неожиданно поменялись местами инициалы Р. Л. Стивенсона. Примером стилистической некорректности может послужить предложение на С. 5, где «репликой» к «Франкенштейну» М. Шелли оказываются не отдельные произведения, а все творчество Стивенсона, Уэллса и Акройда. На С. 7-8 озадачивает попытка оценить объем «литературоведения, связанного с произведениями и биографическим подходом к жизни и творчеству М. Шелли», и еще больше – критика литературоведения за неполноту охвата «смыслов и художественных особенностей» не только творчества, но и жизни М. Шелли. Досадно, что первой в отечественном литературоведении обратившись к практически не изучавшемуся творчеству шотландской писательницы К. де Маггос, А. С. Щербакова допустила ошибку при переводе названия ее повести «Through the red-litten windows» («Сквозь красные литениевы/литениевые окна», см. название раздела 2.3, а также С. 11, 105, 110) и даже уточнила на С. 111, что окна были «с литениевыми красными перегородками», тогда как речь идет не о неизвестном науке веществе, а лишь о том, что в злополучных окнах горел красный свет.

Такие технические недочеты и ни в коем случае не умаляют несомненные научные достоинства рецензируемой работы, оригинального, скрупулезного исследования, в котором впервые проведен глубокий анализ интертекстуальных связей между романом Акройда и его «вертикальным контекстом» восходящим к диалогии М. Шелли, выявлена роль прототекста Шелли в межтекстовом и межжанровом взаимодействии с авантекстами романа Акройда, реализована авторская методика построения филиационных линий, актуальная для исследования произведений литературной классики, пересоздаваемой современными авторами.

Автореферат и 7 опубликованных работ (4 из них в реферируемых научных изданиях) полностью отражают содержание диссертации.

Вышеизложенное дает основания утверждать, что диссертация Щербаковой Анастасии Сергеевны «Роман Мэри Шелли «Франкенштейн, или современный Прометей» и «Журнал Виктора Франкенштейна» Питера Акройда: поэтика пересоздания» тематически соответствует паспорту специальности 10.01.03 – литература народов стран зарубежья

